

ПРОФЕССОР С.П. ГАБУДА

Настоящий номер Журнала структурной химии (ЖСХ) предполагалось посвятить восьмидесятилетию со дня рождения профессора Святослава Петровича Габуды (СП), внесшего значительный вклад в науки, причисляемые к профилю журнала, активнейшим автором и экспертом которого он был. К сожалению, номер выходит не только в честь, но и в память о большом ученом и удивительном человеке. Как инициатор создания данного номера, я благодарен всем авторам, откликнувшимся на предложение написать в него свои статьи. Но особенно хочу отметить роль д.ф.-м.н. и члена редколлегии ЖСХ Светланы Геннадьевны Козловой, стараниями и упорством которой хорошая задумка — выпуск специального номера — воплотилась в жизнь. В числе авторов публикуемых статей друзья, сотрудники и просто хорошие знакомые СП, кому посчастливилось общаться и работать с ним; данные статьи наиболее ценны, поскольку в их основу заложены идеи и замыслы СП.

Трудно говорить о СП в прошедшем времени в силу живости его природы, бытовой неприхотливости на фоне огромной увлеченности наукой, внутренней лучезарности. Он постоянно источал новые и нестандартные идеи, в результате чего создавалось впечатление его вечности и незыблемости. Думаю, что это ощущение многих, знавших его. О результатах научной деятельности СП свидетельствуют его многочисленные публикации, анализ которых приведен ниже, поэтому во вступлении хотелось больше оттенить человеческую сторону персоны СП, даже понимая, что высказанная точка зрения субъективна.

Моему знакомству с СП — без года полвека. Оно началось с моей студенческой практики в августе 1966 г. в Институте физики СО АН СССР в Красноярске. Ехал я целенаправленно в лабораторию радиоспектроскопии, поскольку уже был "болен" ядерным магнитным резонансом и даже паял датчик ЯМР-спектрометра в Томском госуниверситете. В то время я был уже наслышан о красноярских радиоспектроскопистах, и использовал появившуюся возможность

поработать в этой команде. Выглядел СП импозантно, чему способствовала его внешность (симпатичное лицо, стройная в то время фигура) и манеры поведения, характерные для "физиков" того времени, пребывавших "в почете". Эти манеры, разительно отличались от поведения классической профессуры, с которой я имел дело в университете. По каким-то причинам мы быстро сошлись, и разом сложились приятельские отношения, переросшие в дружбу. Такой поворот событий я считал удачей, поскольку СП, молодой кандидат наук, слыл в институте большим научным авторитетом и оригиналом, и я априори смотрел на него с пиететом. У него была масса разных качеств, что позволяло мне, ориентируясь на них, выбирать, как "строить или не строить" себя в научном сообществе и вообще в жизни. Запомнилась масса его афоризмов и анекдотов, очень наглядно интерпретировавших определенные ситуации, которые всегда были уместными, многие из них стали для меня руководством в определенных случаях.

Если придерживаться тезиса "учитель — не тот, который учит, а тот, у кого учатся", то он, бесспорно, был учителем. На первом этапе научной деятельности мне повезло с учителями; еще одним из них был член-корреспондент АН СССР Ю.В. Гагаринский (ЮВ), с которым у СП было активное исследовательское взаимодействие. Они эффективно дополняли друг друга: ЮВ — образец организованности, собранности, плановости и дисциплины, тогда как СП — ступок научного таланта, птица свободного полета, которую тяготил рутинный труд — для него характерны яркие озарения, бывавшие довольно частыми и мало предсказуемыми для окружающих. Эти качества были природными. Как мне кажется, у него не было явных учителей, хотя были кумиры, и очевидно, что в научном плане он рос самостоятельно. Доказательством природности многих качеств СП было и то, что он окончил закарпатскую сельскую школу; родители его были далеки от науки и не могли ему помочь, всего он добивался сам и, прежде, всего умом и трудом. При внешней легковесности отношения к научной работе, он трудился много, напряженно и постоянно. Однажды, проживая с СП в гостиничном номере, я проснулся глубокой ночью и обнаружил его выводящим формулу. "Приснилось, и надо было записать", — разъяснил СП. Он очень любил прогулки и катание на горных лыжах на сопках в живописных окрестностях Красноярска, которые напоминали ему, наверное, родные Карпаты. Эти мероприятия сопровождалось активными беседами на научные темы, и превращались они, фактически, в эффективные научные семинары. Многие задачи, будучи нерешенными, "сидели в нем" десятилетиями, и он периодически возвращался к ним в попытках найти решения. Мотиватором его увлечения наукой, с моей точки зрения, было неиссякаемое природное любопытство — не заниматься наукой он не мог, хотя иронично объяснял, что истинная причина: "лень заниматься физическим трудом".

Удивляли его умение и стремление просто, на пальцах, объяснить сложные процессы и факты, широта научных интересов и природное любопытство: физика, химия и кристаллохимия, биология и медицина, минералогия. Умение охватить многообразие интересов строилось не только на природных качествах, но и прекрасном университетском образовании физикатеоретика, полученном в Одесском университете. Восхищала легкость и безбоязненность, с которой он входил в новые области, далекие от радиоспектроскопии, предлагая свои оригинальные идеи и интерпретации, которые не выглядели дилетантскими. Эта легкость основывалась на потрясающей эрудиции — СП мог квалифицированно на высоком уровне рассуждать практически на любую тему (история, философия, религия, языкознание, медицина, культура и, конечно, — естественные науки во всем их разнообразии). Зачастую, предлагаемые им точки зрения казались интуитивными, но выглядели логичными и доказательными. Слушая его, я вспоминал поговорку: "Эрудиция — мать интуиции".

СП вполне мог обосноваться в теоретическом отделе ИФ СОАН СССР, среди друзей-одноклассников, но его влекли экспериментальные исследования, и он остановил свой выбор на экспериментальной лаборатории. Его кандидатская диссертация была посвящена экспериментальному исследованию движения молекул воды в кристаллогидратах методом ЯМР, но в последующих работах он сделал красивое теоретическое объяснение полученных результатов. Будучи академичным по сути, СП не чурался прикладных исследований, вплоть до создания приборов для измерения влажности в геологических и сельскохозяйственных объектах, обнаружения

неметаллических мин. Он — автор десяти патентов, что немало для научного сотрудника, прошедшего всю научную жизнь в стенах Академии наук.

В радиоспектроскопии, как и в любой современной науке, существует многоступенчатая градация исследователей, по типу резонанса (ЯМР, ЯКР, ЭПР), далее идет деление на специалистов ЯМР высокого разрешения (жидкостников) и ЯМР широких линий (твердотельщиков). Первые работали преимущественно в области химического строения, биологических процессов, тогда как вторые были близки к материаловедению. СП в большей мере принадлежал ко вторым, и можно смело утверждать, что он — ведущий специалист по ЯМР спектроскопии твердых тел и в России, и в мире. Перечень его радиоспектроскопических интересов обширен: электронное строение широкого класса твердотельных материалов (соединений с ионным, ковалентным и координационным типом химической связи), что выводило на обширный класс твердотельных материалов; различные типы движения атомов и молекул в твердых телах, интересные для физики и химии твердого тела, кристаллохимии, минералогии, твердых электролитов, биологических объектов. Широта его интересов наложила отпечаток и на подбор публикаций этого номера.

Для него было характерно, мягко говоря, сдержанное отношение к административной и общественной работе — так он не поехал во Владивосток и не стал заместителем Ю.В. Гагаринского (директора Института химии), хотя это сулило административную и служебную карьеру. Возможно, административная работа ущемляла комфортность его "свободного полета", а общественная работа — отвлекала от науки, но это мое личное впечатление.

Святослав Петрович был прекрасным беллетристом, что выражалось даже в стиле написания научных книг, к примеру, в монографии "Связанная вода: факты и гипотезы", но наиболее ярко этот талант продемонстрирован в многочисленных статьях и эссе, опубликованных в газете "Наука в Сибири", темы которых были самыми разнообразными, а зачастую и неожиданными. Именно в них ярко просматривается его эрудиция, умение оригинально связать несовместимые вещи. Он был великолепным рассказчиком и лектором — в университетской газете в Красноярске было посвящение лекторам, и оценка СП выразилась стихами: "О, мама, это чудо — бывать на лекциях Габуды!"

Вокруг него всегда "роилась" молодежь, да и люди, состоявшие в науке. При этом окружение было очень разнообразным в профессиональном плане: художники, публицисты, скульпторы, археологи и другие. СП был притягателен, у него можно было почерпнуть полезную научную идею, а пообщавшись, по-новому взглянуть на, казалось бы, давно известные вещи. Но множество идей надо было "фильтровать", ибо была незаметной грань между научной строгостью и ироничной, раскрепощенной фантазией. Мне доставляло большое удовольствие бывать в компании "трех ИНХовских богатырей" — С.П. Габуды, С.В. Земскова и И.И. Яковлева, наслаждаясь общением с ними, восхищаясь их индивидуальным и коллективным интеллектом, видением мира, включая "академовский".

Несмотря на наше длительное общение и тесное научное сотрудничество на первом этапе (фактически он был руководителем моей дипломной работы и официальным соруководителем кандидатской диссертации), совместных публикаций оказалось немного (не более трех). Возможно, это связано с моим стремлением к самостоятельности и тем, что после моей кандидатской защиты он перебрался в Новосибирск. С другой стороны, он не стремился попасть в авторский коллектив статей, в которых не было его полноценного участия: мне запомнился случай, когда он вычеркнул себя из авторского коллектива, сказав, что ему достаточно благодарности за обсуждения.

Возможно, нарисованный образ представляется идеализированным, поскольку как и каждый нормальный человек, СП имел набор разных качеств и достоинств, иногда противоречивых. Но мне хотелось передать свои впечатления и ощущения об этом человеке, с которым я был рядом по жизни, но на удаленном расстоянии, и они таковы. Я благодарен судьбе, что она свела меня с профессором С.П. Габудой, и уверен, что эту позицию разделяют многие люди, включая авторов статей этого номера журнала.

В.М. Бузник